

Setinský, Jiří

**Буржуазная политическая экономия в Чехословакии и
экономические кризисы : (резюме)**

In: *Teorie krizí v Československu*. Vyd. 1. V Praze: Státní pedagogické nakladatelství, 1964, pp. 181-193

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/126975>

Access Date: 04. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

БУРЖУАЗНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ В ЧЕХОСЛОВАКИИ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ

(Резюме)

Цель работы — проанализировать разные взгляды на кризис и политику против кризисов в буржуазной политической экономии Чехословакии 30-х годов. Объяснение и критика этих взглядов дается при этом с учетом развития буржуазной политической экономии вообще.

Автор поэтому прежде всего интересуется постановкой вопроса о кризисе на разных этапах развития буржуазной политической экономии. Так как во время кризиса происходит кульминация всех противоречий воспроизводства капитала, буржуазная политическая экономия не могла дать действительно научной теории кризиса. Буржуазные экономисты всегда пытаются замаскировать действительную причину и сущность кризиса. В теоретическом подходе к кризису выделяются, однако, в буржуазной политической экономии отчетливо два этапа; границей между ними является общий кризис капитализма, или же кризис 1929—33 гг.

Теория кризиса в буржуазной политической экономии до зарождения общего кризиса капитализма считалась, так сказать, второстепенной проблемой, особенно в больших синтетических исследованиях, где авторами вовсе не принимался во внимание. Они исходили из теории равновесия, которое считается нормальным состоянием, кризис же — ненормальностью, нарушением равновесия. Равновесие здесь связывается также с принципом предельности, по которому каждый из участвующих в равновесии факторов получает свое в зависимости от его предельной полезности или производительности. И это, по мнению авторов, в условиях свободного действия экономических сил должно всегда произойти. Теория исходила даже из закона сбыта Сэя и поэтому даже не допускала общего перепроизводства.

Кризис, таким образом, изучался прежде всего в монографических исследованиях, которые, как правило, отражали также отдельные частные и более слабые стороны классических теории. (Например, в случае теорий недопотребления также влияние Сисмонди).

В конце XIX в. возникают монополии, которыми теоретически начинают пользоваться буржуазные экономисты и ревизионисты, провозгла-

шая их элементами организованности и плановости, возникающими в недрах капитализма. При этом они игнорируют тот факт, что монополии означают нарушение свободной конкуренции, в которой, наоборот, эти экономисты усматривали гарантию преодоления кризисов без затруднений.

Причина, почему в настоящее время проблематике кризисов уделяется мало внимания, заключается, повидимому, в следующем: хотя кризисы этого времени и были острыми, они не были опасными для капитализма, который всё время развивался по восходящей линии. Классовая борьба в результате реформизма притуплялась и, таким образом, кризисы не могли стать угрозой политической безопасности.

До 1914 г. возникло несколько теорий кризиса, которые и в дальнейшем имели большое значение в буржуазной политической экономии. Это теории Шумпетера, Афталиона, Шпитгофа и Митчелла. Все они раскрывали важные стороны капиталистического воспроизводства и значительные, возникшие в нем, диспропорции. Хотя они не отрицали наличия общего перепроизводства, однако связывали его с технической стороной воспроизводства фиктивного капитала, а не с общественно-производственными отношениями. Тем самым они умалчивали об эксплуататорском характере капитализма. Митчелл даже не касался теории кризиса, а, собственно говоря, занимался только описанием цикла.

В период общего кризиса капитализма, когда его противоречия предельно обостряются и когда обнажается шаткость капиталистической экономики, наоборот, проблематика кризиса выходит на передний план. С особой яркостью это проявилось особенно в 1929—33 гг., т. е. в период кризиса и после него. Буржуазные экономисты выбрали теперь другой метод. Хотя они и допускают существование некоторых противоречий и теневых сторон капитализма, одновременно, однако, провозглашают, что и в рамках капитализма можно эти неприятные факторы преодолеть. В этом смысле они конструируют также программу борьбы с кризисом.

Теоретической основой этого процесса, который называется «революцией» в буржуазной политической экономии, послужила теория Кейнса и теория стокгольмской школы. Эти теории на первом этапе общего кризиса капитализма исходят преимущественно из депрессивных тенденций и из факта хронической безработицы. Они обозначают не отрицание старых буржуазно-экономических теорий, а уточнение и приспособление их к новым обстоятельствам.

После сжатого объяснения и критики этих теорий автор указывает на тот факт, что оба направления подчеркивают экономическую функцию буржуазного государства. Тем самым они стали теоретической основой государственно-монополистических мероприятий. Одновременно, однако, они

стали и теоретической основой политики правых социалистов, которые эти государственно-монополистические мероприятия провозглашают элементами социализма, возникающими в недрах капитализма.

Автор думает, однако, о дальнейшем развитии работы. Он исходит из того, что в течение всей проблематики кризиса большое значение приобрело всегда соотношение между теорией равновесия и кризисом. Поэтому далее он критикует взгляды брненской экономической школы, которая в период буржуазной Чехословацкой республики наиболее полно разработала теорию равновесия. Далее автор систематически анализирует, каким образом на решение вопросов кризиса в Чехословакии повлияли разные направления буржуазной мысли.

Здесь встает еще и другой вопрос. В связи с кризисом 1929—33 гг. проблематика кризиса вызывает к себе небывалый интерес именно в том плане, что предметом изучения становится как раз теперь происходящий кризис, для объяснения которого ищут специфические причины и способ борьбы с ним.

Поэтому полезно рассмотреть теорию кризиса в чешской и словацкой буржуазной экономической литературе, с одной стороны, в общем плане, с другой стороны, в отдельности специфическую проблематику кризиса 1929—33 гг. вместе с критикой предлагаемой хозяйственной политики.

Разработка вопроса начинается, следовательно, с критики теории равновесия и кризиса, провозглашаемой брненской экономической школой, — к которой относились главным образом Энглиш, Хитил, из небрненских работников: Карваш — так как концепция этой школы занимала самое значительное место в буржуазной экономической теории в Чехословакии и, кроме того, взгляды «главы» этой школы Энглиша (он был некогда раз министром финансов и главным директором Национального банка) имели огромное значение также для применения экономики на практике.

Брненская школа исходила из того факта, что для капиталистического хозяйства характерна естественная тенденция к равновесию, опирающаяся на систему равновесия цен на блага, труд и капитал, которые и обеспечивают равновесие между предложением и спросом. Тем самым поддерживается порядок равновесия между отдельными единицами производства и потребления. Посредством рынка девиз затем обеспечивается и порядок равновесия между хозяйствами отдельных государств.

Под кризисом эта школа понимала любое нарушение равновесия. По ее мнению, нельзя отождествлять кризис только с низким уровнем экономической деятельности. Равновесие, с точки зрения этой школы, возможно даже в случае низкой активности и поэтому переход к более высокой активности обозначает, собственно говоря, кризис.

Далее эта теория отрицала возможность объяснения кризиса посред-

ством какой бы то ни было основной причины. Равновесие может нарушаться по разным причинам. Нельзя искать причины кризиса вообще, равно как медицина не ищет причины заболевания вообще. В принципе, однако, возможна классификация кризиса на основе главных форм нарушения равновесия. В зависимости от этого можно различать: а) кризис дефляции, б) кризис перепроизводства, в) кризис рационализации.

Теория брненской школы в высшей степени ненаучна и апологетична. Её взгляд, что кризис обозначает нарушение равновесия, является также неправильным. В действительности кризис устраняет возникшие диспропорции или, собственно говоря, возобновляет нарушенное равновесие. Если, однако, считать, что кризис — это любое нарушение равновесия (вне зависимости от повышения или понижения активности), то понятие кризиса утрачивает смысл, который ему, как правило, в экономике капитализма нормально придается. Это понятие оказывается размытым и неясным. Это, однако, и является целью данной апологетической теории.

Теория далее гласит, что равновесие существует только в качестве тенденции, причем цены все время колеблются, чтобы достичь равновесия. Из этого вытекало бы, что капиталистическое хозяйство находится постоянно в кризисе. Это не отвечает действительности.

Брненская школа утверждает, что равновесие возможно даже в случае низкой активности. Это неправильно. Равновесие, по теории этой школы, обусловлено равновесием предложения и спроса на рынке товара, капитала и труда. Это, однако, при низкой активности невозможно на рынке труда. Нельзя думать, что при низкой хозяйственной активности — сопровождающейся также сильной безработицей — понижалось бы предложение рабочей силы при сохранении низкой заработной платы. Тем самым выявляется неправильность данной концепции равновесия и кризиса, цель которой — отвлечь внимание от противоречий капитализма, которые были настоящей причиной кризиса. В действительности она этим только доказала деградацию экономической мысли данного репрезентативного направления буржуазной политической экономии Чехословакии.

Для теории брненской школы характерны все главные черты, типичные для вульгарной политической экономии. Она не стремится отличать друг от друга явление и сущность, отрывает частное от общего, увеличивая и абсолютизируя их. Это все пути, при помощи которых буржуазная политическая экономия пытается замаскировать сущность капиталистического строя, его противоречия. Теория кризиса брненской школы это веско доказывает. Основным ее положением является тезис о множественности причин кризиса. Именно эта концепция не делает разницы между явлением и сущностью. Всякий кризис — это очень сложный и богатый процесс, который имеет многообразные проявления во всех областях процесса производ-

ства. Весь буржуазный процесс воспроизводства развивается в непрерывном решении антагонистических противоречий, возникающих в разных звеньях процесса воспроизводства. По временам они вызывают кризис, которым устраняются возникшие диспропорции. Эти факты не являются, однако, первопричиной. Они имеют глубокие корни в капиталистической системе, они являются как бы вариантом ее основного противоречия, т. е. противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением.

Брненская школа, однако, эти факты игнорирует, превращая отдельные особые проявления основного противоречия капитализма в самостоятельные независимые друг от друга, причины кризиса. Данное этой школой объяснение множественности самостоятельных причин кризиса является классовой функцией этой теории — маскировкой сущности кризиса и отрицанием его объективной связи с капитализмом. В этом направлении дальше всех идет Хитил, который прямо относит кризисы к области внеэкономических обстоятельств.

На теории равновесия основал также теорию кризиса профессор Мильдшу (Mildshuh), который видел в кризисе также нарушение равновесия. Сам цикл он затем мотивировал психологически — как результат чередующихся волн оптимизма и пессимизма. Казалось бы, что он рассматривал цикл как имманентный закон движения капитализма, однако, причины этого движения выводил из психологии, т. е., в конце концов, из обстоятельств, не относящихся к данной экономической системе. Он пропускал тот факт, что сама психика людей определяется внешними объективными обстоятельствами, как они создаются на основе воздействия внешних, объективных законов.

Мильдшу создал для цикла на первом этапе общего кризиса капитализма особую теорию. По его мнению дело здесь касалось «кредитной дефляции», вытекающей из валютных реформ и из стабилизации хозяйств отдельных государств. Такая дефляция появлялась, по его мнению, всегда после великих войн, так в прошлом уже после наполеоновских войн. Государства стремятся стабилизировать государственные финансы и уплачивают долги. Из этого вытекает давление дефляции, падение цен, ухудшение положения должников. Отсюда начинаются серьезные затруднения для хозяйства, привыкшего до сих пор к поднятию цен. Тем самым Мильдшу в конце концов отрицает существование в 1918—38 гг. циклического развития имманентного капиталистического хозяйства и сводит его к колебаниям кредита. Он отрицает связь кризиса 1929—33 гг. с капитализмом полностью и определенно.

Мильдшу не обоснованно сравнивает результаты наполеоновских войн с результатами первой мировой войны. В первом случае капитализм под-

ходил только к началу кульминации своего развития, а в некоторых странах только еще зарождался. В противоположность тому во втором случае появились уже предпосылки его гибели.

В качестве мероприятий борьбы против кризиса предлагал Мильдшу инфляцию. Такая политика действительно в течение кризисов проводилась, например, в США и других странах. Однако в этих странах кризис проходил необыкновенно тяжело. Из этого вытекает, что инфляция оказалась для преодоления кризиса непосильной.

В теории Мильдшу имеется глубокое противоречие. То он обозначает кризис 1920—21 гг. и 1929—33 гг. как периодический кризис перепроизводства. То, однако, — как специфические последствия первой мировой войны, точнее говоря как результат стремления к стабилизации государственного хозяйства и реформу валюты. Так что кризис оказывается или объективным явлением, или, собственно говоря, результатом хозяйственной политики, это значит, сознательной деятельности. Причина этого противоречия его взглядов заключается в том, что при данном состоянии хозяйства, которое вызывало также политическое напряжение, у Мильдшу не хватило смелости понять кризис однозначно, как необходимо вытекающее из закономерностей капиталистического производства явление, а он искал непротиворечащее капитализму объяснение.

Взгляды группы экономистов, во главе которых стоял Энглиш, встретили отрицательную критику коллеги Энглиша, профессора бременского юридического факультета — Левенштейна. Последний, в отличие от Энглиша, исходил из основной причины кризиса. Он видел ее в «динамическом неравенстве», появившемся в капитализме вследствие рационализации, которая вытесняет рабочих из процесса производства и заменяет их машинами. Таким образом возникает безработица и понижение доходов. Левенштейн поэтому в качестве главного средства в борьбе против кризиса выдвигает подавление этих неблагоприятных последствий рационализации. Этой цели должны были служить общественные работы, которые бы финансировались также налогами, собираемыми с сбережений рационализации.

Левенштейн не боялся открыто указать на внутренние противоречия капитализма. Он прямо считал, что если не устранить последствий рационализации, они вызовут распад капитализма, и поэтому он стоял за разные и эффективные мероприятия.

У Левенштейна дало в сущности касалось перенесения части прибавочной стоимости в государственный бюджет, посредством чего можно было бы устранить это динамическое неравенство. Если это удастся, потом, по его мнению, ничто не будет препятствовать развитию капитализма. Левенштейн, следовательно, предполагал, что вмешательством

в распределение можно кризис устранить даже при сохранении капиталистической собственности. Он упускал из виду тот факт, что распределение зависит от форм собственности на средства производства и что, следовательно, оно не может быть в сущности изменено вне зависимости от последних.

Динамическое неравенство Левенштейна очень напоминает общий закон капиталистического накопления Маркса. Левенштейн, конечно, не был марксистом. Его духовным отцом был Сисмонди. Пто касается его взглядов на влияние машин, суживание внутривенного рынка, на регулирование внедрения государством новой техники — во всех этих случаях Левенштейн говорит языком Сисмонди. Однако Сисмонди не был в состоянии додуматься до социальных последствий противоречий капитализма, а смотрел назад. Левенштейн в противоположность тому видел их слишком хорошо и понимал их значение для капитализма. Он — как буржуазный экономист — искал, само собой разумеется, решения в рамках капитализма. Поэтому также его критика не выходила за рамки капитализма и приводила к таким же реакционным заключениям, как когда-то критика Сисмонди.

В период общего кризиса капитализма, когда с необычной силой обострялись противоречия капитализма, стали правые социалисты перед трудной задачей. С одной стороны, они не могли эти противоречия отрицать, с другой стороны, они должны были найти возможность мирного решения этих противоречий и возможность глубоких реформ капитализма, на стороне которого в сущности стояли.

Это проявилось особенно в 1929—33 гг. Правые социалисты, хотя и критикуют капитализм, однако, это критика «конструктивная», направленная на реформу капитализма. Поэтому правые социалисты маскируют объективные противоречия капитализма, как причины кризисов перепроизводства, и подчеркивают субъективные недостатки, человеческое несовершенство и незнание как причины кризисов. Правые социалисты хотели бы доказать, что высшим образованием и разумной политикой (которая, конечно, не коснулась бы основ капитализма) можно добиться принципиальной реформы капитализма. Так считает, например, Мацек. Небесарж опять провозглашает, что причиной кризиса является перегрузка промышленного капитала требованиями «рантье», т. е. прежде всего кредитными требованиями банковского капитала. По его мнению, причина кризиса не заключается, следовательно в противоречии между рабочим и капиталом, а в противоречии между банковым и промышленным капиталом, причем упускается из виду типичное для современного капитализма существование финансового капитала.

Кризис 1929—33 гг. создал положение, когда буржуазные экономисты

не могли разрешить себе заниматься только абстрактной теорией кризиса. Буржуазия чувствовала себя до того под угрозой, что она нуждалась даже в конкретных предложениях для преодоления кризиса. Последние вытекали обычно из анализа данного кризиса. Поэтому важно связать также эти «особые теории кризиса» с хозяйственной политикой, которая ими обуславливается. Сначала, однако, необходимо обратить внимание на особенности кризиса 1929—33 гг.

Автор показывает, что здесь дело идет о нормальном циклическом кризисе, для которого, однако, были характерны противоречия империализма гораздо больше, чем для кризиса до первой мировой войны. В этом корни его необыкновенной глубины. Для кризиса в большой степени характерны непосредственно также последствия мировой войны. Сюда относятся лабильность валютной и кредитной систем, структуральные изменения, вызванные в мировом производстве и торговле тем, что война на долгое время оторвала друг от друга европейские и заокеанские рынки.

Кризис протекал в Чехословакии необыкновенно тяжело. Причины, заключались в следующем: 1. Чехословакия особенно сильно страдала от аграрного кризиса, который имел большое значение в процессе кризиса. 2. Сильная зависимость от экспорта в ряде отраслей, которые встречались на мировых рынках с особенно плохими предпосылками сбыта (текстиль, стекло, керамика). 3. В общем низкий жизненный уровень рабочих еще до кризиса и поэтому также относительно узкий внутренний рынок.

Теория кризиса 1929—33 гг. буржуазии и правых социалистов исходила, как правило, из отдельных частичных аспектов этого кризиса. Центральное положение занимала здесь полемика об исследовании главы брэннской школы — профессора Энглиша.

Энглиш считал этот кризис результатом «золотой дефляции», вызванной восстановлением золотой валюты в главных капиталистических странах после войны. Из этого факта, по его мнению, вытекало, что сокращение кредита вызывало большое давление на цены. Кризис можно было, по его мнению, преодолеть только быстрым понижением всех цен и издержек, в том числе, само собой разумеется и заработной платы.

Теория «золотой дефляции» Энглиша была неправильна, а именно: 1. Оптовые цены понижались в капиталистических государствах еще в период оживления и подъема вследствие стабилизации бюджета и рационализации. 2. Кризис разразился сначала в США, где о недостатке золота и о повышении его курса нельзя было говорить. 3. Кризис не начался с обширного кредитного кризиса, что бы отвечало теории «золотой дефляции». На протяжении кризиса не встречался также общий высокий процент и недостаток ссудного капитала; эти явления отмечались только спорадически на отдельных этапах кризиса.

Энглиш провозглашал теорию «золотой дефляции» с определенной целью. Он хотел сконструировать противоречие между промышленным и банковым капиталами. Он стремился, таким образом, свалить вину за кризис с эксплуататорского характера капитализма на банковый капитал.

Теория «золотой дефляции» Энглиша буржуазней в большинстве случаев отрицалась, так как, по ее мнению, она очень упрощает обширный комплекс проблем, которые приводили к чрезвычайному обострению кризиса. Таким образом данную теорию отрицали представители финансового капитала, сконцентрированные вокруг «Zivnobanka», которые причиной кризиса считали прежде всего глубокие вызванные войной структуральные изменения. Теорию Энглиша отрицали они и потому, что, с их точки зрения, она вызывала антипатию к золотой валюте — единой гарантии устойчивости валюты и тем самым поддерживала сторонников инфляции.

С другой стороны, однако, представители этой части финансового капитала были согласны с политикой, вытекающей из теории дефляции Энглиша, т. к. такая политика удовлетворяла их интересам. Об этом подробнее говорится ниже.

Значение валютно-кредитных вопросов подчеркивали также и правые социалисты. Мацек был убежден, что в кризисе виновата слишком догматическая привязанность к золотой валюте, и предлагал ее уничтожить. Этим он отличался от Энглиша, который с уничтожением золотой валюты не был согласен. Далее потом правые социалисты приводили в качестве причины кризисов торгово-политические препятствия, тормозящие внешнюю торговлю и деятельность монополий, которые обостряли хозяйственные затруднения тем, что поддерживали высокие цены.

Социальные демократы считали, что кризис нельзя преодолеть без поддержки государства, в особенности без крупных капиталовложений, средства для которых должны были быть получены путем инфляционного кредита за счет бюджетного дефицита. Они здесь исходили, следовательно, из взглядов Кейнса и стокгольмской школы. Предлагаемая ими инфляционная политика борьбы против кризиса, была, однако, ведущими группами финансового капитала отвергнута.

Правые социалисты не могли согласиться с теорией дефляции Энглиша, из которой вытекала также необходимость понижения зарплаты. Они нуждались в теории, аргументы которой, оставаясь полностью на платформе капитализма, давали бы при этом возможность устранения кризисов в его (капитализма) рамках, или хотя бы их существенного смягчения, — в теории, которая сверх того должна была бы убедить рабочих в возможности мирного вращивания капитализма в социализм.

Этому отвечали взгляды Мацка и его сторонников (Писториус, Нечас,

Майвальд, Небесарж), которые легли в основу официальной линии социальной демократии. Хотя их экономическая программа борьбы против кризиса требовала общественных капиталовложений, однако не должна была конкурировать с государством. Она не призывала к вмешательству в частную собственность и к ее ограничению. И все-таки социалдемократы отождествляли эту политику с последовательной социализацией, т. к. каждое вмешательство государства считалось ими элементом социализма без учета классового характера государства.

Социальные демократы выступали против монополий. Здесь дело шло, собственно говоря, о проявлениях мелкобуржуазных взглядов. Пока, однако, дело касалось использования влияния государства на хозяйство, не могло это, при современном характере государства, обозначать ничего другого, чем пропаганду государственно моно политического капитализма. Необходимо отметить, что после второй мировой войны предложения социальных демократов вошли в состав хозяйственной политики, может быть, всех буржуазных государств. Объективно, социальные демократы были, следовательно, помощниками особенно монополистической буржуазии, хотя она в это время отказывалась от их теоретической поддержки.

Теоретическую концепцию отрицали также публицисты другой партии правых социалистов — партии народных социалистов. Её представитель Гейда считал кризис 1929—33 гг. кризисом структуральным, главную причину которого он видел в войне. Он указывал даже на тот факт, что в результате господства монополий была ослаблена приспособляемость капитализма. Он утверждал, что либерализм не оправдал себя и, что необходимо будет перейти к плановой организации производства.

Будучи правым социалистом Гейда не хотел видеть в кризисе доказательство отживания капитализма вообще. По его мнению, наоборот, кризис означал «переход» к новой, генетически более высокой ступени капитализма, в состав которого войдет и хозяйственная демократия, и который ознаменует собой в конце концов даже переход к социализму. На основе этого Гейда стал выдающимся пропагандистом идей «трансформации капитализма» и теории «народного капитализма» в Чехословакии. Было однако крайним цинизмом доказывать во время как раз протекавшего кризиса рабочим, что они вот уже входят в социализм.

Требование Гейды — плановое ведение хозяйства — в действительности обозначало также требование государственной монополии. Гейда, хотя и боролся против монополии (картели), одновременно, однако, хлопотал за то, чтобы монополии, контролируемые государством, были использованы для управления производством. Он игнорировал тот факт, что само государство есть орган монополии и что, следовательно, оно не может их контролировать, если само им служит.

Перспектива «трансформации» капитализма Гейды была, следовательно, в действительности перспективой государственно-монополистического капитализма. На практике, однако, оптимизм Гейды в смысле развития капитализма, не оправдался. Кризис 1929—33 гг. стал в большой степени первопричиной даже второй мировой войны, которая вылилась в дальнейшее ослабление капитализма.

Аграрные теоретики видели ядро кризиса в аграрном кризисе, который обозначался ими как «первопричина кризиса». Среди взглядов на конкретное преодоление кризиса, можно, однако, различать два направления, которым отвечают также два этапа политики против кризиса, провозглашаемой представителями аграрной партии — самой сильной буржуазной партии в капиталистической Чехословакии.

Политика ее хозяйственного эксперта Брдлика подчеркивала выравнивание диспропорций между ценами на промышленные и сельскохозяйственные продукты (последние понизились в течение кризиса гораздо больше чем цены на промышленные изделия). Поэтому он требовал большого понижения издержек, в том числе и заработной платы. Поэтому он встал против всех социальных программ, так как считал их несостоятельными во время кризиса.

Аграрная партия сначала программу Брдлика более или менее официально приняла. Сейчас же против нее в аграрной партии поднялась резкая оппозиция, взгляды которой стали отстаивать даже представители официального органа партии — журнала «Venkov». Причиной оппозиции оказалось то, что программа Брдлика не приносила никакого облегчения, находящемуся в долгах сельскому хозяйству. Она удовлетворяла прежде всего интересы крупного аграрного капитала. Под давлением обремененных долгами мелких и средних крестьян и также многочисленных помещиков аграрная партия была принуждена приступить к решению требований, которые ославили бы давление долгов и, кроме того, повысили бы цены на сельскохозяйственные продукты. Для выполнения этих планов нашла аграрная политика пример, с одной стороны в политике администрации Рузвельта в США, с другой стороны, в управляемом хозяйстве нацистской Германии. Но в общем аграрная партия в журнале Venkov провозглашает систематически политику инфляции. Поэтому она и стояла за обе девальвации (1934 г., 1936 г.), от которых ожидала подъема цен и тем самым реального понижения долгов. Для своих требований она, однако, выбрала довольно эвфемистическое название — рефляция.

Имеется большое сходство между программой аграрных теоретиков, главным образом Р. Брожа, и требованиями социальных демократов. И те и другие стоят за обильный и дешевый кредит, равно как за капиталовложения, финансируемые инфляционным кредитом. И те и другие стоят

также за обширную государственную интервенцию. Существенное различие заключается, однако, в следующем: социальные демократы объявляют свою программу путем к социализму, в то время как аграрии высмеивали это и видели в этом просто реформу капитализма.

Можно сказать, что в хозяйственной политике Чехословакии выкристаллизировались в течение кризиса два направления: дефляционное, связанное с именем Энглиша и инфляционное, пропагандистами которого были социальные демократы и аграрии.

Энглиш выводил свою политику дефляции из своей теории золотой дефляции. Последняя другими буржуазными теоретиками отрицалась. Буржуазная практика, однако, охотно принимала вытекающие из нее результаты по следующим причинам:

1. Из теории дефляции вытекали определенные общие принципы для буржуазного преодоления кризиса, как, например, понижение издержек, в том числе и заработной платы, т. е. также усиление эксплуатации.

2. Эта теория приводила к укреплению господства финансового капитала, так как политика дефляции поддерживала накопление капитала. Это отвечало интересам особенно «*Zivnobanka*».

3. Она обозначала высокий процент, из которого финансовый капитал извлекал пользу предоставлением дорогого кредита государству.

4. Здесь проявлялся и некоторый консерватизм и недоверие к валютным операциям, основывающиеся на послевоенной инфляции в Австрии и в Германии. Поэтому преобладало доверие в золотую валюту, на которой построил свою теорию Энглиш.

Политика инфляции отрицалась однако также по следующей причине: ее сторонники из рядов правых социалистов не верили в автоматический переход капитализма и требовали прочной и обширной хозяйственной интервенции государства, которую объявляли переходом к социализму. Тем самым они хотели одновременно подавить классовую борьбу и революционное настроение в рядах рабочих.

В противоположность тому ведущие группы финансового капитала не утратили доверия в жизнеспособность капитализма. Они верили прежде всего в частное предпринимательство. Они не были против хозяйственной помощи государства, были, однако, против длительных вмешательств капитала, которые должны были бы, может быть, заменить частное предпринимательство. При этом они противопоставляли социально-демократической демагогии перехода капитализма в социализм свою собственную демагогию. Хотя финансовый капитал сам подготавливал конец демократического строя в Чехословакии, хотя он отстаивал антидемократическое цеховое управление, всё-таки объявлял все попытки длитель-

ного вмешательства государства в хозяйство ограничением демократии и притворялся его защитником.

Против всех этих теорий боролась Коммунистическая партия. Её задачей было: указать в общей теоретической суматохе прежде всего на объективную необходимость кризисов при капитализме и на объективную необходимость глубины кризиса 1929—33 гг. Эта задача была выполнена в особенности товарищем Готвальдом в его докладе на VI съезде КПЧ. Далее КПЧ обнажала классовую сущность всех мероприятий борьбы против кризиса как со стороны буржуазии, так и со стороны правых социалистов. КПЧ всё время доказывала, что буржуазия знает только один выход из кризиса — за счет трудящихся. Поэтому КПЧ объясняла рабочим, что кризис — это период обостренной классовой борьбы. Она указывала также, что средства для преодоления кризиса надо взять там, где они есть. т. е. у богачей. Её политика, значит, даже тогда, когда она показывала путь для преодоления и смягчения кризиса в недрах капитализма, была революционной.

Перевела: Л. Блатна

